

Мифологические корни образа Царевны-лягушки: шадринский инвариант

Шадринск относится к тем городам, которые, имея многовековую историю, выработали комплекс символов, закрепившихся за ними и ставших атрибутами: куница, шадринский гусь, шадринский бор, скульптор Иван Шадр, полевод Т. С. Мальцев... Эти символы составляют один смысловой ряд, выделяющий Шадринск в слое русских провинциальных городов. Шадринск как культурный центр Зауралья наделен развитым фольклором, в том числе устным рассказом мифологического характера.

Устойчивая память о дохристианских мифологических персонажах проявляется в Шадринске по-разному: в символике наличников деревянных домов [4], символике ковров ручной работы [5], в символике герба города (куница на серебряном поле), в глиняных сувенирных гусях-свистульках, созданных в Центре русской народной культуры «Лад», деревянной скульптуре Мокоши, поставленной на Городище и т. п. Выразительным символом Шадринска может стать и образ Царевны-лягушки, несомненную связь которой с шадринской землей недавно выявили ученые [1].

Следует заметить, что образ Царевны-лягушки органично вписывается в шадринский колорит с городским менталитетом, не изжившим матриархатные представления; ленточными борами, прорезающими город и выступающими как урочища; болотами, комфортным, чуть влажным микроклиматом. Вышеперечисленное, безусловно, коррелирует с дохристианскими культами женских мифологических персонажей, к которым восходит образ Царевны-лягушки, культами, рудименты которых можно обнаружить в шадринском фольклоре.

Представления о женских божествах бытуют, наслаиваясь на христианский образ Богоматери. Однако воспоминания о языческих богинях возрождаются как памятник традиционной культуры, не имея культовой основы, превращаясь в атрибуты и символы. Долгое время символом города выступает Шадринский гусь [2]. С одной стороны, он – герой легенды, согласно которой шадринские гуси были в 18 веке настолько вкусны, что подавались к столу Екатерины Великой. С другой, гусь – мифологический персонаж, связанный с водой, женскими культами. Образ гуся (или гуся-лебедя) связан со стихией воды, как и Царевна-лягушка. В известной сказке они рассматриваются как порождение богини: вышла Царевна-лягушка плясать, взмахнула рукавом – появилось озеро (вода), взмахнула другим – поплыли по озеру гуси-лебеди.

В мифе, легшем в основу сказки, Царевна-лягушка выступает и как демиург, и как культурный герой. Как демиург она создает природные блага, выпуская из рукава озеро и гусей-лебедей, плывущих по нему. Как культурный герой она выступает, соревнуясь с другими персонажами, в женском ремесле; она создает культурные блага: печет хлеб, ткёт ковер, превращается в красавицу, способную развлечь гостей на пиру. Таким образом, становится очевидной связь образа Царевны-лягушки с космогоническими мифами – мифами о сотворении мира.

Мифологические корни образа Царевны-лягушки восходят к древнейшему периоду славянского мифотворчества, к вере в Берегинь (варианты: вилы, русалки) [3]. Б. А. Рыбаков трактует эти образы как русалок, число которых тридевять (т. е. 27), но только не в том позднем понимании, какое отражено в фольклоре и художественной литературе XIX в. (зловредные и коварные утопленницы), а в том, какое сохранилось в болгарском фольклоре о красивых крылатых девах (*вилах*), заботящихся о посевах и о дожде для нив. Связь русалок во всех видах представлений о них с водой не подлежит сомнению, также они связаны с такими понятиями, как «берег» и «оберегать», что закономерно – для древнего рыболова совершенно естественно было соединить понятие о берегу, о твердой надежной земле с понятием оберегания, охраны от нежелательного.

В современных русских диалектах слово «берегиня» уцелело только на Севере, где дольше всего сохранялся архаичный охотничье-рыболовческий быт. Первоначально русалки были связаны с водой и берегом полноводных водоемов, позднее – в связи с земледельческим переосмыслением берегини ведали дождем. Образы связаны с водной стихией, влагой, женским началом и представлением о счастье.

С переходом на оседлый образ жизни славянских племен и культ Рода как воплощения единения русских племен происходит переосмысление этих образов, но заложенный в них смысл – оберегание и т. д. – сохраняется. Поклонение Берегиням перешло в поклонение Мокоши (варианты: Мокуша, Макоша) – «женской» богине, также связанной с влагой, волшебством, обереганием и счастьем. Рыбаков [6] трактует этот образ как женское божество восточных славян, являющееся одним из наиболее загадочных и противоречивых. Ее сопровождают *вилы* – *русалки* (рудимент былого культа, они связаны с орошением полей туманом (росой) и дождем) и собака *Симаргл* (связь с семенами и всходами). В «Повести временных лет» Мокошь замыкает список, начинающийся с Перуна. Известны этнографические записи XIX века на русском Севере о вере в Макошь. Она представлялась как женщина с большой головой и длинными руками, прядущая по ночам в избе: поверья запрещают оставлять кудель, «а то Мокоша опрядёт». Непосредственным продолжением образа Мокоши после принятия православия стала Параскева Пятница – пряха, которая следит за все-

ми женскими работами. Запрещалось работать в ее день – пятницу, а нарушительницы превращались в лягушек (это нашло отражение в волшебных сказках о Царевне-лягушке – прекрасной девушке, обычно обладающей познаниями в колдовстве и принуждённой жить какое-то время в облике лягушки из-за чрезмерного трудолюбия). Пятнице приносили жертву, бросая в колодец пряжу, кудель; название этого обряда «мокрида», как и имя Мокошь, связано с корнем. Мотив запрета и нарушения, заложенный в Берегине как запрет на нанесение обиды или удара, трансформируется в образе Мокоши как запрет на рукоделие по пятницам [6], в образе Царевны-лягушки – на сжигание лягушачьей кожи. В эпоху христианизации Руси Мокошь переосмысливается в образ Параскевы Пятницы.

Образ Царевны-лягушки, восходящий последовательно к образам Берегинь, Мокоши, Параскевы Пятницы, интересен тем, что, будучи женским, связанным с водой, обереганием и рукоделием, он ни в коем случае не связан с репродуктивной функцией женщины. Царевна-лягушка, Берегиня, Мокошь не имеют детей, они – девы, и оберегающая функция распространяется на их жениха, мужа, возлюбленного, но не на ребенка. Вообще, героиня русских сказок, как правило, не мать, а дева: Марья-искусница, Марья-Моревна, Алёнушка, наконец, Царевна-лягушка.

Интересно, что Шадринск отвечает сразу нескольким функциональным характеристикам мифологического образа Царевны-лягушки: болотистая местность, гусь как один из символов города, рудиментарные матриархатные черты (преобладание женского населения, выполнение женщиной роли главы большого семейства, имеющего обширные горизонтальные и вертикальные родственные связи). Текст, записанный А. Н. Зыряновым в Шадринском уезде, оказался настолько ярким, что привлек внимание А. Н. Афанасьева, и мы можем по праву считать, что историографически образ Царевны лягушки закреплен за Шадринском с XIX века.

Примечания

1. Бритвин А. М. Шадринская Царевна-лягушка // IX Зыряновские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 8–9 дек. 2011 г.). Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2011. С. 133–134.
2. Бритвин А. М., Мурзин А. Н. Образ Шадринского гуся как культурно-символический ресурс // Социокультурное пространство русского провинциального города / Под ред. Н. Ю. Детковой. Шадринск: Шадринский Дом печати, 2011.
3. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. / Под ред. С. А. Токарева. М.: Олимп, 2000.
4. Паукова Л. А. Явление небесного оленя (заметки о семантике шадринских наличников) // Шадринская старина. Альманах. Шадринск, 1994.

5. Пацукова Л. А. Явление небесного оленя (заметки о семантике шадринских ковров) / Пацукова Л. А. // Шадринская старина. Альманах. 1995.

6. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1981.

Л. Э. Старостова (Екатеринбург)

**Управление коммуникациями в брендинге мест:
актуальный зарубежный опыт**

В январе 2012 года в Утрехте (Голландия) автор этой статьи принимала участие в Международной конференции по брендингу мест (Place Branding) «Истоки-политики-методы» («Roots – Politics – Methods»), организованной компанией Inpolis в сотрудничестве с администрациями городов Утрехт и Берлин, Утрехтским университетом и Центром Георга Зиммеля по изучению города (Georg Simmel Center for Metropolitan Studies), Ассоциацией по брендингу мест и общественной дипломатии (Association for Place Branding & Public Diplomacy) и Институтом по управлению территориями (Institute for Place Management). На конференции были представлены исследования в основном европейских авторов, хотя были и доклады исследователей из Африки, Америки и Азии. Однако, доминирование в программе выступлений специалистов из Великобритании, Швеции, Финляндии, Греции, Германии, Нидерландов и др. европейских стран позволяет заключить, что в целом тематика выступлений отражала состояние именно европейской современной теории и практики в брендинге территорий. Поскольку теория и практика геобрендинга в России сегодня, как правило, представляет собой освоение и попытки приложения к российским городам зарубежного опыта, обзор доминирующих в сегодняшних европейских исследованиях тем и подходов может представлять интерес для наших российских коллег.

Всю совокупность представленных выступлений можно разделить на несколько групп. Первая – теоретическая рефлексия относительно методологии территориального брендинга, опирающаяся на анализ обширного списка литературы. Вторая – отчеты о реализованных проектах по геобрендингу с анализом использованных методов и полученных результатов. Заметную тематическую группу исследований составили выступления, в которых брендинг мест рассматривался через призму культуры как ресурса территориального брендинга,

© Старостова Л. Э., 2012